

ЕКАТЕРИНА ШУЛЬМАН

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ

< СПОСОБИЕ ПО КОНТАКТУ С РЕАЛЬНОСТЬЮ >

Екатерина Шульман
Практическая политология.
Пособие по контакту
с реальностью
Серия «Книга профессионала»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12270244

*Екатерина Шульман. Практическая политология. Пособие по контакту с реальностью: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-106183-8*

Аннотация

Екатерина Шульман – политолог, кандидат политических наук, преподаватель Российской академии государственной службы и народного хозяйства, специалист по проблемам законоотворчества, автор многих электронных и печатных изданий, автор книги «Законоотворчество как политический процесс».

«Практическая политология. Пособие по контакту с реальностью» – книга, в которой российская политическая система рассматривается вне ложной дихотомии «сухой теории» и «сермяжной правды», а используя методы научного познания, практический опыт и здравый смысл.

Из книги вы узнаете:

[ul]на какие политические режимы похож российский и что это говорит о его вероятном будущем;

что стоит между демократией и автократией, в чем слабость и сила гибридных режимов, и как можно использовать это знание себе на пользу;

как на самом деле выглядит законотворческий процесс в России: откуда берутся новые законы, кто их реальные авторы и бенефициары, и как починить взбесившийся принтер;

какие трансформации происходят в российском обществе, и к каким политическим последствиям это приведет;

как гражданину повлиять на принятие решений, затрагивающих его интересы, и остаться в живых.[/ul]

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ШУЛЬМАН ЕКАТЕРИНОЙ МИХАЙЛОВНОЙ, СОДЕРЖАЩИМСЯ В РЕЕСТРЕ ИНОСТРАННЫХ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ВЫПОЛНЯЮЩИХ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА 15.04.2022.

Содержание

Из книги вы узнаете	6
Практический Нострадамус	7
Гибридный авторитаризм: анатомия и физиология	16
Гибридные режимы: царство имитации	16
Как принимаются решения в гибридных режимах	23
Устойчивость гибридных режимов – где Кощеева игла	30
Гибриды, нефть и агрессия	35
Авторитарные режимы: мутанты, бастарды, гибриды	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Екатерина Шульман

Практическая политология.

Пособие по контакту

с реальностью

Данное произведение литературы создано автором в соответствии с законодательством РФ признанным выполняющим функции иностранного агента.

© Екатерина Шульман, текст

© Сергей Елкин, иллюстрация на обложке, форзацы

© ООО «Издательство АСТ»

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Из книги вы узнаете

- на какие политические режимы похож российский и что это говорит о его вероятном будущем;
- что стоит между демократией и автократией, в чем слабость и сила гибридных режимов, и как можно использовать это знание себе на пользу;
- как на самом деле выглядит законотворческий процесс в России: откуда берутся новые законы, кто их реальные авторы и бенефициары, и как починить взбесившийся принтер;
- какие трансформации происходят в российском обществе, и к каким политическим последствиям это приведет;
- как гражданину повлиять на принятие решений, затрагивающих его интересы, и остаться в живых.

Практический Нострадамус *или 12 умственных привычек, которые мешают нам предвидеть будущее*

Традиционный жанр конца декабря – гадания и предсказания, но бурный 2014-й повысил спрос на этот жанр едва ли не больше, чем на наличную валюту. В эпоху социальных сетей политическое прогнозирование больше не прерогатива класса политологов (кто бы они ни были), а доступно каждому, у кого есть интернет. За прошедший год мы наслушались разнообразных пророчеств, и редкий из нас удержался от соблазна побыть Вангой и предсказать глад, мор, войну и конец света. Однако в пророческом жанре есть свои опасности: горизонт грядущего застыт предрассудки, суеверия и привычный ход человеческой глупости. Вот основные ошибки, которых следует избегать при составлении пророчеств.

1. Персонификация. Если вам хватило сообразительности хотя бы зарегистрировать аккаунт в соцсети, то вас уже можно не предостерегать от примитивных форм фиксации на роли личности в истории типа «Не будет гражданина X – не будет и России». Вы и так догадываетесь, что Россия пере-

живет и гражданина X, и Y, и нас с вами. Не стоит ассоциировать с конкретной личностью даже политический режим: личность может исчезнуть, режим – сохраниться (или наоборот). Политическая система – сложный организм, и сводить ее к одному человеку – опасная умственная aberrация. Старайтесь избегать рассуждений об отставках и назначениях: если вам сообщили «инфу 100 %», то информатором, скорее всего, двигала не любовь к истине, а аппаратный расчет. Стремитесь подняться на следующий уровень обобщения, а не заниматься придворной политологией, которая всегда отдает лакейской.

2. Исторические параллели. Пора перестать понимать буквально шутку Маркса над Гегелем: история не повторяется ни как трагедия, ни как фарс. Поскольку количество исторических фактов бесконечно, велика вероятность, что чрезвычайное сходство прошлого с настоящим основано либо на магии цифр (1914/2014), либо на высвечивании одних явлений и игнорировании других. Но главный грех параллелизма даже не в том, что это самый легкий способ продемонстрировать свою историческую неграмотность, а в том, что такого рода мышление отрицает прогресс. Поклонники теории вечного возвращения живут в неподвижном мире, где окружающие враги вечно сдерживают вечно возрождающуюся Россию и никто никогда никого не победит и ни с кем не договорится: так уж мир устроен. Этот тип сознания харак-

терен для Средневековья с его идеей колеса фортуны: ничего не меняется, все повторяется. Так мыслили люди аграрного общества. Крестьянский труд был построен на циклах, опыт в нем был важнее новации, а прогресса не существовало. Великие географические открытия и индустриальная революция разорвали округлый и замкнутый мир Средневековья, заменив колесо дорогой прогресса, уходящей в будущее. В традиционной картине мира было много обаятельного, но возврата к ней нет.

3. Географический кренизм. Этот пункт следует из предыдущего: те же люди, которые отрицают время, обожествляют пространство. Смены эпох для них не существует, зато география – это судьба. Сравнение, скажем, российского политического режима с венесуэльским представляется им оскорбительным: как можно равнять нашу могучую родину с латиноамериканцами? Зато сравнение России нынешней с Россией Ивана Грозного, не имеющей с ней ничего общего ни экономически, ни культурно, ни социально, кажется им вполне адекватным. Между тем историческое время течет для всех, и судьба страны не зафиксирована ее географией: будущее определяется в большей степени уровнем развития граждан и общественных институтов. Поэтому родственные политические режимы на разных концах земли ведут себя схожим образом, а в жизни южных и северных корейцев нет ничего общего.

4. Вульгарный материализм. Из фетишизации территории логически вытекает и поклонение «ресурсам», под которыми обычно понимают богоданные углеводороды, полностью определяющие жизнь пространства, под которым они залегают. Выпускники советских школ особенно склонны линейно понимать экономический детерминизм. Моление на цену барреля Urals равно характерно для столпов режима и для ожидающих его кончины оппонентов. Да, ухудшение экономической конъюнктуры сужает ресурсную базу, посредством которой режим покупает лояльность. Но как он будет действовать в этих условиях – зависит в большей степени от его внутренних институтов и внешнеполитического окружения.

5. Вульгарный идеализм. Ожидая от власти тех или иных решений или заявлений, помните, что она существует не в платоновской вселенной, где идея немедленно становится реальностью. Избегайте рассуждать о мифической «политической воле», при наличии которой все возможно: чем выше в политической системе стоит человек, тем больше он связан условиями этой системы – а не наоборот, как часто думают. У нас контрольно-ревизионное управление президента занимается подсчетом уровня выполняемости президентских указов – он и в сытые годы редко превышал 70 %, а ведь указы в нашей правовой системе касаются вопросов очень конкретных. Насколько выполняются федеральные законы –

подсчитать вообще затруднительно.

6. Обратный карго-культ. Карго-культ – это вера, что изготовление моделей самолетов из навоза и соломы привлечет настоящие, которые привезут много тушенки. Обратный карго-культ характерен для стран догоняющего развития, его особо придерживаются их политические элиты. Они проповедуют, что в Первом мире самолеты тоже из соломы и навоза, а тушенки нет. Только там ловчее притворяются и скрывают этот факт. Когда вам снова расскажут про тщету буржуазных выборов, комедию парламентаризма и насилие в полиции, помните: самолеты существуют, и люди на них летают. Так же реальны экономическая конкуренция, свободные выборы и независимый суд.

7. Катастрофизм. Все пишущие любят драматические эффекты, но не стоит строить свой прогноз по литературным образцам, чтобы в конце все непременно умерли или пожелтели. Выявив в окружающей реальности некий фактор, не протягивайте его в бесконечность по идеальной плоскости.

В той же реальности действуют мириады других факторов, которые вы не учли. Исторический процесс не заканчивается никогда – даже Фукуяма прогадал со своим «Концом истории», а уж вы с пророчеством распада России к Новому году тем более опозоритесь. Прежде чем прогнозировать крах, смерть или финал чего бы то ни было, примите во вни-

мание силу инерции, инстинкт самосохранения, свойственный не только людям, но и системам, а также тот факт, что, по английской пословице, мельницы бога мелют мелко, но очень медленно. Если уж вам не удастся побыть Кассандрой, следуйте классическим образцам: будьте кратки, зловещи и невнятны. Перейдя реку, разрушишь великое царство. Два войска вступят в битву, но только одно из них победит.

8. Конспирология. Конспирологические теории любой сложности строятся на одной базовой предпосылке: существуют скрытые пружины событий, которые можно изобразить хитрым сопоставлением отдельных фактов. Но припоминает ли кто-нибудь случай, когда открылась бы тайна, неведомая современникам, которая перевернула наши представления о том, как оно все (неважно что) было на самом деле? Увы, за вычетом инсайдерских деталей, кажущихся важными только на близком расстоянии, все значимые исторические процессы на самом деле являются именно тем, чем они представлялись людям, жившим в то время. Все тайное не только становится явным; оно еще и обречено быть мало-значительным, потому что все важное лежит на поверхности и наблюдаемо невооруженным глазом. Миром не правят тайные организации (иезуиты, тамплиеры, сионские мудрецы), миром правят явные организации – правительства, парламенты, армия, церковь, коммерческие корпорации. Успешный заговор не переворачивает ход истории, а представля-

ет собой набор усилий по организации восхода солнца вручную.

9. Внешний контроль. Картина мира, в которой никакая страна не управляет своими делами, но каждая управляет делами соседа, представляет собой одну из разновидностей конспирологии. Только место подпольных правительств занимают внешние враги – тоже маскирующиеся, так что общая атмосфера мрачной тайны, дорогая сердцу конспиролога, сохраняется. Меняется ли курс национальной валюты, растет или падает общественная активность, начинают молодые люди носить штаны нового фасона, выпускает писатель роман – причины этого всегда находятся не в социуме, а вовне его. Беда в том, что хотя аутсорсинг политической ответственности за рубеж – хороший способ выставить себя ни в чем не виноватым, он лишает страну субъектности. Это особенно абсурдно в случае России – большой страны с многочисленным, преимущественно городским и грамотным населением.

10. Фантазии о Китае. Рассуждаете ли вы о китайской угрозе или китайской помощи, помните, что об этой стране мы на самом деле мало что знаем, и значительная часть наших представлений – это попытки европейского ума представить себе Другого. Китай во многих околополитических рассуждениях является в качестве символа некоей хтонической угрозы, безликого множества, которое нахлынет и

убьет (или, вариант последнего времени, одарит несметным богатством). Демографы утверждают: желание китайцев заселить пустующую Восточную Сибирь – публицистический миф. Китай переживает сейчас тот же процесс, через который прошли в свое время все индустриальные державы, – урбанизацию. Китайцы не хотят жить на просторах Восточной Сибири, они хотят жить в своих крупных городах, куда в массовом порядке и уезжают.

11. Цитаты из великих. Никакие официальные лица никогда не заявляли, что Россия несправедливо владеет Сибирью. Маргарет Тэтчер не говорила, что в России должно остаться 15 млн человек. Бисмарк не утверждал, что для погубления России необходимо посорить ее с Украиной. Проверьте источники! Значительная часть цитат великих людей, бродящих по интернету, сочинена маргинальной патриотической прессой 1990-х и популяризирована одичавшими телеведущими 2010-х. Особенно страдают Столыпин, Рейган, Черчилль, Маргарет Тэтчер, Мадлен Олбрайт, Геббельс, Ницше, Оскар Уайльд и все Романовы. Помните: чего нет в Oxford Dictionary of Quotations – того не существует. За русскоязычными цитатами можно сходить в википедию, но перепроверять придется все равно.

12. Разговоры с народом. Не пересказывайте ваши беседы о внешней и внутренней политике с таксистом, няней и

ремонтным рабочим. Все люди склонны считать себя существами уникальными, а окружающих – типичными. Если ваши мнения – это результат вашего индивидуального мыслительного процесса, то почему тогда таксист, рассуждающий о войне с Украиной, говорит от имени всех «простых людей» обитаемой вселенной? Помните: никакой человек не считает самого себя простым. Признайте за дворником и продавщицей в ларьке право быть таким же сочетанием личного опыта, знаний, предрассудков и психических отклонений, каким являетесь вы сами.

Милый дедушка Нострадамус! Принеси нам всем в новом году ясного рассудка, рационального мышления, свободы от суеверий и объективного взгляда на себя и окружающих. Пусть ложная мудрость мерцает и тлеет пред солнцем бессмертным ума. Тогда никакое будущее не страшно.

24.12.2014

Гибридный авторитаризм: анатомия и физиология

Гибридные режимы: царство имитации

о сущности гибридных политических режимов как современной модификации авторитаризма

Недавно новый венгерский премьер Виктор Орбан порадовал научный мир, заявив, что хорошо бы построить в Венгрии нелиберальную демократию на российский манер, а то либеральная модель как-то себя исчерпала. При этом он довольно пронципательно заметил, что «самая популярная тема размышлений сейчас – как работают системы, которые не являются западными, либеральными или либеральными демократиями». Действительно, нет ничего актуальнее в современной политической науке, чем изучение гибридных режимов. Терминов для них имеется множество, что отражает неустоявшийся характер предмета исследования: нелиберальные демократии, имитационные демократии, электро-

ральный авторитаризм, нетираническая автократия.

Что полезного может дать этот передовой край науки практике? Природу гибридных режимов важно понимать во избежание навязчивых исторических аналогий и траты времени на ожидание, когда за окном наступит фашизм или взойдет заря советской власти. Исторический пессимизм всегда в моде – считается, что главный урок двадцатого века состоит в том, что в любой момент все может стать хуже, чем было, и никакая степень цивилизованности не предохраняет от внезапного приступа одичания. Но «хуже» и «лучше» – термины оценочные, а популярные рассуждения про дно, в которое постучали, и прочие хроники грядущего апокалипсиса звучат убедительно, но рациональной основы под ними не больше, чем в обычае плевать через левое плечо и боязни сглаза. Принимать решения на такой основе не менее опрометчиво, чем руководствоваться оптимистическим принципом «авось пронесет».

1. Гибридный режим представляет собой авторитаризм на новом историческом этапе. Известно, в чем разница между авторитарным и тоталитарным режимами: авторитарный режим поощряет в гражданах пассивность, тоталитарный – мобилизацию. Тоталитарный режим требует участия: кто не марширует и не поет, тот нелоялен. Авторитарный режим различными методами убеждает подданных оставаться дома: кто слишком бодро марширует и слишком громко поет,

тот на подозрении, вне зависимости от идеологического содержания песен и направления маршей.

2. Гибридные режимы заводятся в основном в ресурсных странах, иногда называемых петрогосударствами (хотя жизнеобеспечивающим ресурсом не обязательно является нефть). То есть это режимы, которым деньги достаются даром, и не от труда народного, а от природного ресурса. Население им только мешает и создает дополнительные риски заветной мечте гибридного режима – несменяемости. В сердце режима – та самая мысль, которую в России приписывают почему-то Маргарет Тэтчер – хорошо бы иметь X граждан для обслуживания трубы (скважины, шахты), а остальные бы куда-нибудь подевались. По этой причине режим опасается любой мобилизации – у него нет никаких институтов, использующих гражданскую активность и гражданское участие.

3. Западные исследователи, назвавшие гибридный режим нелиберальной демократией или электоральным авторитаризмом, обращают внимание на одну его сторону – на декоративность его демократических институтов. В гибридных режимах проходят выборы, но власть в результате их не меняется, есть несколько телеканалов, но все они говорят одно и то же, существует оппозиция, но она никому не оппонирует. Значит, говорят западные политологи, это все декора-

тивная мишура, под которой скрывается что? Старый добрый авторитаризм. На самом деле гибридный режим является имитационным в двух направлениях: он не только симулирует демократию, которой нет, но и изображает диктатуру, которой тоже не существует в реальности. Легко заметить, что демократический фасад сделан из папье-маше – труднее понять, что сталинские усы тоже накладные. Трудно это еще и потому, что для современного человека «точечное насилие» и «низкий уровень репрессий» – морально сомнительные термины. Мы живем в гуманистическую эпоху, нас ужасают человеческие жертвы, по европейским понятиям XX века ничтожные.

4. Гибридный режим старается решить свою основную задачу – обеспечение несменяемости власти – относительно низким уровнем насилия. Он не имеет в своем распоряжении ни морального капитала монархии, ни репрессивной машины тоталитаризма. Нельзя развернуть то, что называется маховиком репрессий, без активного участия граждан – а граждане гибридных режимов не хотят ни в чем участвовать. Характерно, что государственная пропаганда в гибридных режимах не дает мобилизующего эффекта. Она объединяет граждан по принципу пассивности. Посмотрите на российские 87 %, которые одобряют все – от военных вторжений до продуктовых санкций. На вопрос «одобряете ли?» они отвечают «да» – а что они при этом делают? Ничего. Они

не записываются в добровольческие батальоны, не ходят на провоенные митинги, они даже на выборы не особенно ходят, отчего гибриднему режиму приходится бесконечно заботиться о ложной явке и фальсификации результатов. Из политически обусловленных активностей за ними замечены только съем денег с банковских счетов и перевод их в доллары, а также закупка сливочного масла. Пропаганда с головокружительной эффективностью формирует мнение именно тех людей, чье мнение не имеет значения – не потому, что это какие-то плохие второсортные люди, а потому, что их мнения никак не коррелируются с их действиями. Они могут обеспечить власти одобрение, но не поддержку – на них нельзя опереться.

5. Режим понимает своим рептильным мозгом (что в данном случае не ругательство, а нейрофизиологический термин – рептильный мозг отвечает у нас за действия в случае опасности), что 87 % одобряющих не являются субъектами политического процесса, а единственные, чье мнение имеет значение – это активное меньшинство. Этим объясняется «парадокс законотворца» – почему власть, располагающая, казалось бы, сплоченной всенародной поддержкой, никак не пользуется этой поддержкой, а принимает все новые и новые законы репрессивно-оборонительного содержания. Принятые законы имеют целью нащупать это активное меньшинство – наверное, у них есть второе гражданство? или они

как-то связаны с общественными организациями? или они блоггеры? ходят на митинги? или хоть любят курить в ресторанах? Как их нащупать и придушить – не слишком, а слегка – а еще лучше убедить, что они ничтожные отщепенцы, и хорошо бы им уехать. Гибридный режим никогда своих граждан не удерживает – напротив, поощряет активное меньшинство к отъезду.

6. Гибридные режимы довольно устойчивы и живучи – они пользуются преимуществами почти рыночной экономики и частично свободной общественной среды, и потому не разваливаются заутро, как классические диктатуры. Это следует принимать во внимание как ожидающим ремейка развала СССР, так и ожидающим его внезапного возрождения. На шестнадцатом году правления удариться об пол и обернуться бравым фашистом так же затруднительно, как убиться об стену и возродиться лучезарным либералом. Из этого не следует, однако, что гибридный режим стабилен: он жаждет стабильности, и ради нее готов на любые потрясения. Корень этого кажущегося противоречия лежит в механизме принятия решений – кощевой игле гибридного режима. Последовательно отрезая и забивая мусором все каналы обратной связи, режим вынужден действовать во многом наощупь. Для связи с реальностью у него остается телевизор, разговаривающий сам с собой, элиты, подобранные специально по принципу некомпетентности, и внутреннее чувство

вождя, чье сердце должно биться в унисон с сердцем народным, но за долгие годы пребывания в изоляции склонно рас-согласовываться и биться в каком-то своем ритме. Поэтому режим постоянно угадывает, какое его действие или бездействие будет приемлемо для внешней и внутренней аудиторией – а когда ошибается (предполагая, например, что от шага X произойдет «потеря лица», а от шага Y, наоборот не случится дурных последствий), то никаких рычагов исправления ошибки у него нет. Гибридный режим заднего хода не имеет – он устойчивый, но неманевренный.

7. Надо понимать, что само появление имитационных демократий – это не результат порчи демократий неимитационных, а плод прогресса нравов, который уже не позволяет применять насилие так широко и беспечно, как это было принято еще пятьдесят лет назад. Если «лицемерие – это дань, которую порок платит добродетели», то имитация – это налог, который диктатура платит демократии.

15.08.2014

Как принимаются решения в гибридных режимах *о процессе принятия и корректировки решений при снижении влияния легальных политических институтов*

Все сложно в гибридном режиме, но сложнее всего – процесс принятия решений. Со стороны кажется, что чем меньше демократии, тем меньше ограничений и согласований, тем быстрее стальная стрела верховной воли долетает до сердца исполнителя. В реальности все обстоит с точностью до наоборот: чем ниже влияние легальных политических институтов, тем сложнее механизм разработки и принятия любых решений и тем ниже процент их выполняемости.

Есть классическое изображение политической системы по Дэвиду Истону (американский политический теоретик). Система представляет собой черный ящик, в который с одной стороны входят разнообразные векторы общественных запросов. Внутри происходит процесс принятия решений и наружу выходит уже один вектор – политическое решение, чаще всего в виде правового акта. В противоположном направлении – от решения к запросу – идет вектор обратной связи, которая, в свою очередь, образует новый запрос.

В гибридном режиме все хитрее. Никакого входа для общественных запросов в ящике не предусмотрено, но отдельные группы интересов пробрались внутрь и там закрылись. Представьте, что у вашего компьютера все USB-порты замазаны глиной, но при этом он принимает радиосигналы посредством накладного кокошника из фольги. Наружу из него выходит не один вектор, а несколько разнонаправленных «сигналов». Процесс претворения множества волей в единое решение, который должен происходить внутри системы, происходит чаще всего постфактум. Как у некоторых насекомых бывает внешнее пищеварение, так у гибридного режима имеется нечто вроде внешней корректировки принятых решений. Он нужен, поскольку никакого способа узнать заранее, чего именно хотят люди, как они отреагируют, каковы будут последствия принятого решения, выполнимо ли оно вообще, не существует.

Как это выглядит на практике? 6 августа выходит указ президента о применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности РФ. Он носит самый общий характер: в нем не указываются ни санкционированные страны-производители, ни запрещенные продукты, ни строгость запрета («запретить или ограничить»). Указаны только срок (год), товарная группа (продовольствие) и объекты (страны, принявшие решение о введении санкций). Позже мы увидим, что одно из этих условий соблюдено не было. Все детали должно определить правительство в своем

постановлении. Это первый этап процесса – «политическое решение», или, точнее, «политический сигнал». Далее его предстоит расшифровать на более низких ступенях властной пирамиды.

Для чего это делается? Как ни странно, для того, чтобы вывести первое лицо из-под ответственности. Тоталитарные режимы чаще всего бывают персонализированными – что называется, вождистского типа. Тот же фюрер-принцип по аналогии приписывают и авторитарным, и гибридным образованиям. Между тем это не совсем так. В гибридах происходит как делегирование ответственности наверх (что начальник скажет, то и будет), так и распыление ее вниз, на все более низкие уровни исполнительной власти (если что, мы ни при чем, действовали по инструкции). Вопреки распространенному мнению, российский политический режим гораздо менее персонализирован, чем, например, у нашей республики-сестры Венесуэлы. Почти полностью отсутствует то, что в начале 90-х называли «указным правом» – когда значительная часть правовых актов исходит от первого лица. У нас и указы рамочные, и законы во многом рамочные, а важней всего ведомственная инструкция.

7 августа выходит разъяснительное постановление правительства. В нем перечислены запрещенные продукты по таможенным кодам и страны, попавшие под запрет. Одна из них – Норвегия на тот момент никаких санкций против РФ не вводила, она присоединится к ним позже. Есть боль-

шой резон полагать, что Норвегию, крупнейшего поставщика свежей и мороженой рыбы в Россию, вписали ради интересов некоего российского рыбного холдинга с приближенными к центру принятия решений собственниками. Хотелось бы назвать это цивилизованным термином «лоббизм», но это не лоббизм, а пародия на него. И вот почему.

Когда решение принято и выходит на свет божий, запускается третья стадия процесса. Начинается общественная реакция – та, которая в здоровом механизме предшествует принятию решения и является его причиной: общество чего-то требует, власть что-то делает. У гибридов все наоборот: принимается некое решение, потом в срочном порядке подбирается ему пропагандистское обоснование. Понятно, что ни в концепцию свободной торговли (флагманом которой выступает ВТО), ни в концепцию протекционизма (которым в той или иной степени занимаются многие государства, в том числе члены ВТО) рандомный запрет случайно выбранных продуктов на год не вписывается. И экономическая глобализация, и протекционизм – почтенные экономические теории и практики, в пользу и той и другой есть что сказать. Но принятая мера, как говорится, не об этом, поэтому были выдвинуты публичные аргументы, аннигилирующие друг друга: с одной стороны, заявлялось, что мера поддержит отечественного производителя, с другой – что запрещенные иностранные поставщики будут быстро заменены другими иностранными поставщиками.

Принятое решение выходит из черного ящика и соприкасается с реальностью – его надо как-то исполнять. Одновременно с белым шумом пропагандистской машины начинает звучать и собственно общественная реакция: реакция потребителей, экспертов и заинтересованных групп. Понятно, что решение должно приниматься быстро и тайно, потому что любая открытость допустит к сакральному центру власти врагов и вредителей. Обратная сторона этой быстроты и таинственности состоит в том, что нельзя узнать мнение ни экспертов, ни отраслевых специалистов. Выясняется, что под запрет попали, например, рыбные мальки, без которых тот отечественный производитель, который, казалось бы, пролоббировал запрет враждебной рыбы, сам не может жить и размножаться. Никто не подумал о том, что продукты без глютена и лактозы, необходимые для больных целиакией и аутизмом, а также спортивное питание и биодобавки теперь тоже запрещены. Представители пациентских и родительских групп, входящие, например, в общественный совет при Минздраве, поднимают шум. То же делает спортивное лобби.

Наступает четвертая стадия: эрозия только что принятого решения. По сути, это та работа, которая должна быть проведена до его принятия. 20 августа правительство принимает новое постановление, в котором исключает из списка запрещенных продуктов безлактозное молоко, витамины, БАДы, рыбные мальки и семенной материал. Одновременно пред-

седатель правительства выразил надежду, что продуктовые санкции «не продлятся долго», а еще через неделю вице-премьер Дворкович заявил, что они будут отменены по минованию «угрозы национальной безопасности».

Итак, при принятии решения не советовались, судя по всему, даже с экономическими министрами, но после его принятия прислушались даже к традиционно презируемому инструменту – петициям в интернете (обращение участников группы «Целиакия» на change.org об отмене запрета на безглютеновые и безлактозные продукты набрало почти 50 000 подписей за три недели). Прислушивается ли власть к экспертам и общественному мнению? Исправляет ли власть допущенные ошибки? Вроде бы да, но не полностью, не сразу, не вовремя и никогда до конца. В отсутствие работающих механизмов обратной связи выработка грамотных решений невозможна, но и изоляция принимающих решения от общества – неполная. На свой манер они пытаются уловить общественные настроения, исходя из часто искаженных, случайных, дурно понятых сигналов, попадающих внутрь черного ящика, обклеенного кривыми зеркалами.

Мы описали решение, общая цена которого относительно невелика: последствия «продуктовых санкций» сведутся к общему подорожанию еды, что повредит в первую очередь бедным, но не снизит их уровень потребления до критического. Но те же самые искаженные механизмы работают и при принятии решений о войне и безопасности. Посторон-

нему наблюдателю кажется, что экономических министров не пускают к обсуждению экономических решений, потому что они подозрительные либералы, а с военными экспертами и начальниками все иначе. Увы, механизм принятия решений не может быть в одном месте сломан, а в другом внезапно эффективен: он един для всех, различается только цена решения. Система прочна ровно настолько, насколько прочно ее самое слабое звено.

29.08.2014

Устойчивость гибридных режимов – где Кощеева игла *о предпосылках трансформации гибридного режима в полноценную демократию*

Всех интересуют прогнозы, но надо помнить, что торговля предсказаниями – низший сорт интеллектуальной деятельности. Дело науки – анализировать тенденции и делать на их основании выводы, а не раздавать билетки с точной датой, когда ишак научится читать, а эмир умрет.

В двух предыдущих статьях о природе гибридных режимов (форма авторитаризма, имитирующая демократические институты; см. «Ведомости» от 29.08.2014 и 15.08.2014) я описала их общее устройство и его самый слабый элемент – механизм принятия решений. Какая именно ошибка может стать для режимов такого типа роковой? Насколько вообще устойчивы гибриды? Почему одни демократизируются, другие перерастают в стабильные тирании, а третьи погружаются в хаос?

В самом общем виде изыскания современной политологии об устойчивости и перспективах трансформации гибридных режимов можно суммировать так:

1. Не все гибриды имеют ресурсно-ориентированную экономику, и не во всех ресурсных государствах складывается гибридный режим. Реальность «ресурсного проклятья» – отдельная дискуссионная научная тема. Но страны, благополучие которых строится на продаже полезных ископаемых, склонны становиться авторитарными или полуавторитарными. А авторитарные государства, богатые ресурсами, склонны воевать с соседями или иными способами утилизировать внешнюю угрозу во внутривнутриполитических целях.

2. Цель целей гибридного режима – сохранение власти. Все остальное для него вторично. Отсюда происходит его ненависть к модернизации (в отличие от тоталитарных режимов, построенных вокруг мечты о светлом будущем). Светлое будущее гибрида – это его прошлое, причем прошлое мифологизированное. Взоры его обращены к никогда не существовавшему Великолепному веку, Великой Сербии, славной эпохе Симона Боливара или ядерной смеси из Романовых, атомной бомбы и славянского солнцеворота, которую продают нам сегодня в России. Когда гибридный режим проявляет агрессию, он не объясняет ее нуждами мировой революции или защитой прав человека во всем мире. Его агрессия ретроградна – она имеет целью вернуться в прошлое, исправив там все несправедливое (отомстить за обиду, «вернуть свое»).

Насколько опасна внешняя агрессия для режима, чье устройство вынуждает его принимать решения во многом вслепую? Данные свидетельствуют, что для авторитарного режима военный конфликт опаснее, чем для демократического. В случае неудачи авторитарный режим через несколько лет с высокой вероятностью дестабилизируется (см. Джефф Колган. *Petro-Aggression: When Oil Causes War*, 2013). Однако опасность не для всех одинакова. Риск максимален для режимов, возглавляемых «революционными лидерами», пришедшими к власти не в результате ее легальной передачи, а на волне собственной харизмы. Это не случай России. К тому же нынче не только режимы гибридные, но и войны нелинейные – они состоят не столько из боестолкновений, сколько из пропаганды. Процент объективной реальности в них минимизирован, что позволяет каждой стороне конфликта побеждать в своем телевизоре.

Существует трехступенчатая классификация устойчивости гибридных режимов Стивена Левицки и Лукана Вэя (*Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War*, 2010). В упрощенном виде она выглядит так: если режим органически интегрирован с Западом посредством экономических, социальных, информационных и межправительственных связей, то он постепенно демократизируется (страны Восточной Европы и Латинской Америки). Если связи с Западом слабы (Африка и Юго-Восточная Азия), режимы с высокой внутренней организацией (развитым аппа-

ратом насилия, солидарными элитами и госконтролем в экономике) становятся стабильными автократиями. Режимы со слабой внутренней организацией (разобщенными элитами, фиктивными партиями, децентрализованной экономикой) зависят от ближайшего сильного соседа. Если он недемократичен, они становятся нестабильными автократиями. Если он демократичен – следуют путем демократизации.

В последние годы наука отошла от представления о фиктивности политических институтов при авторитаризме и занялась их глубинным изучением. Выяснилось, что в общественном организме «чистые формальности» не бывают ни чистыми, ни полностью формальными. Более того, чем большее количество демократических декораций режим имитирует, тем он устойчивее и тем легче способен трансформироваться в демократию (Дженнифер Ганди. *Political Institutions under Dictatorship*, 2008; Беатрис Магалони. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*, 2006). Большой научной загадки тут нет. Чем старательнее вы притворяетесь порядочным человеком, тем больше вы на него похожи. А вашим потомкам уже безразлично, насколько искренни были ваши убеждения, если поступки в достаточной мере им соответствовали.

Итого: не стоит переоценивать значение внешних факторов в судьбе режима. Он вряд ли развалится от неудачной войны, потому что войны информационной эпохи удачны

настолько, насколько подконтрольны медиа. Он может вступить в полосу нестабильности из-за ухудшения экономической конъюнктуры, но это ухудшение необязательно будет связано с падением цен на нефть (см. пример Венесуэлы). Шансы на смену гибридного режима полноценным авторитаризмом возрастают с изоляцией от Запада и сближением с авторитарным соседом типа Китая. Но в случае России есть ощущение, что переориентация на Восток имеет скорее пропагандистский, чем сущностный характер. Шансы на демократизацию режима тем выше, чем организованнее общество. Любые формы социальной организации, даже те, которые режим выстраивает в декоративных или пропагандистских целях, служат в конечном счете общественному благу. Ибо совместная деятельность граждан – и первое благо, и условие появления всех остальных.

15.09.2014

Гибриды, нефть и агрессия *о влиянии цены нефти на агрессивность гибридных политических режимов в странах-экспортерах нефти*

В сентябрьской статье об устойчивости гибридных режимов («Ведомости» от 15.09.2014) были изложены выводы современной политической науки относительно агрессивности таких режимов, их склонности к вооруженным конфликтам и последствий этих конфликтов для выживаемости режима. Хотя ресурсные государства (petrostates) и гибридные режимы – понятия не совпадающие (не все гибриды основывают свою экономику на экспорте ресурсов и не во всех ресурсных экономиках возникает электоральный полуавторитаризм), связь между высокими экспортными доходами от продажи углеводородов и авторитарными мутациями существует. С сентября мировая цена на углеводороды снизилась, и, насколько можно судить, тенденция к снижению среднесрочно устойчива. Как реагируют ресурсные авторитарные режимы на падение цен на свой основной экспортный ресурс?

Тут есть два аспекта, заслуживающих внимания: устойчивость режимов и их агрессивность.

Предостережем читателя от линейного экономического

детерминизма: прямой зависимости устойчивости режима от экономической ситуации внутри страны нет. Да, ухудшение экономической конъюнктуры сужает ресурсную базу, посредством которой режим покупает лояльность. Но как он будет действовать в этих условиях, зависит больше от его внутренних институтов и внешнеполитического окружения. Многие африканские авторитарные режимы переживают целые десятилетия чудовищно низких темпов роста безо всякого ущерба для собственной устойчивости. А ближневосточные гибриды вступили в полосу турбулентности в период высоких цен на нефть, хотя, казалось бы, они должны были сделать их лидеров неуязвимыми и для внутреннего недовольства, и для внешнего давления.

Если от ухудшения экономической ситуации режим не рухнет, то, может, лишившись простых средств обеспечения народной любви, он поневоле демократизируется? Известен сформулированный американским политкомментатором и специалистом по Ближнему Востоку Томасом Фридманом «первый закон петрополитики»: существует обратная зависимость между ценой на нефть и уровнем политической свободы в нефтяных государствах. Под ними (*petrolist states*) Фридман понимает не просто страны – экспортеры нефти, а страны с высокой долей нефтяных доходов в ВВП и одновременно слабыми демократическими институтами.

В политической науке существует и противоположное мнение: режим, лишившийся возможности покупать лояль-

ность за нефтяные деньги, будет добиваться ее силой. По этой логике снижение цен на нефть приведет не к демократизации, а к усилению внутренних репрессий и внешней агрессии. Ведь ничто так не отвлекает население от снижения уровня жизни, как успешное преследование врагов внешних и внутренних. А успешным оно будет обязательно: по законам «новой войны», каждый участник побеждает в своем собственном телевизоре, поскольку там война большей частью и происходит.

Единственное, что мы точно знаем о Вселенной, – это что она бесконечно сложна, писал Хорхе Борхес. О гибридах тоже можно сказать, что они непросты. Шизофреничность – их врожденное свойство: если верно некое простое утверждение относительно природы и поведения режима, то будет верно и противоположное ему.

Недавняя работа политолога из Денверского университета Каллена Хендрикса подтверждает оба вышеприведенных тезиса, несмотря на их кажущуюся несовместимость. Хендрикс исследовал данные о политике 153 стран начиная с 1947 г. Высокие цены на нефть делают страны-экспортеры более агрессивными по отношению к своим непосредственным соседям, а на поведение неэкспортирующих стран никак не влияют. Иными словами, страна-неэкспортер может сделаться агрессивной в любое время, а вот будет ли с вами воевать ваш сосед-петрогибрид, можно узнать, взглянув на график нефтяных цен. Судя по имеющимся данным, «грани-

да миролюбия» проходит на уровне \$77 за баррель. При цене выше страны-экспортеры агрессивнее стран-импортеров более чем на 30 %. При цене ниже \$33 петространы становятся более мирными, чем страны с нересурсными экономиками. Между \$77 и \$33 никакой разницы по степени склонности ввязаться в вооруженный конфликт между двумя группами стран не наблюдается.

Не замечено никакой связи между внешним миролюбием, наступающим для стран-гибридов при низкой цене на нефть, и их внутренней демократизацией. Факторы демократизации гибридов в достаточной степени изучены: это, в порядке убывания, степень развитости их политических и общественных институтов, интеграция в международную систему отношений и наличие демократического «значимого соседа», который является для режима преимущественным торговым партнером.

Вопреки распространенному среди отечественных комментаторов мнению гибриды не отвечают на снижение уровня жизни своих подопечных ударной волной репрессий. Объясняется это просто: одни и те же источники доходов кормят как военный, так репрессивный аппарат режима. И в сытое время исполнительская дисциплина в странах такого рода не на высоте, а уж при снижении привычного уровня потребления и правоохранители, и правоприменители все меньше готовы по приказу начальства делать хоть что-нибудь невыгодное или рискованное. Кроме того, само началь-

ство куда более опасается отдавать приказы по размазыванию чьей бы то ни было печени по асфальту в условиях, когда его собственное будущее не так обеспечено, как казалось еще вчера.

Итого: при снижении цены на нефть нефтеэкспортирующий гибрид становится менее агрессивным и менее стабильным. Какую трансформацию претерпит режим по итогам этой нестабильности – зависит в значительной степени от его граждан и институтов, от состояния социума, его зрелости и организованности. Все внешние факторы по сравнению с этим совершенно ничтожны.

08.12.2014

Авторитарные режимы: мутанты, бастарды, гибриды

В своей статье «Россия: „электоральный авторитаризм“ или „гибридный режим“?» профессор Голосов подвергает сомнению научную ценность термина «гибридный режим» как средства классификации. Он считает, что это удобная концепция, позволяющая не определять политический режим как авторитарный, по формальным признакам надевая его существенными демократическими чертами. Он пишет: «Концепция гибридных режимов идеально соотносится с триумфом „все-таки это не Советский Союз“, которым западные деятели так долго оправдывали свое желание ублажить Путина».

Чем энтомолог лучше политолога?

Науки об обществе и представляющие их эксперты стоят перед специфической опасностью, незнакомой тем, кто занимается науками естественными или математическими. Никто не скажет энтомологу, что, описывая клопа, он тем самым делает ему рекламу и оправдывает его грешное существование. Но уже психологи – представители науки, находящейся на стыке естественного и социального – занима-

ьясь, к примеру, динамикой абьюзных отношений, регулярно слышат, что они слишком концентрируются на объяснении мотивов насильника и тем самым обеляют его. Нечего ссылаться на трудное детство и травмы, сажать их надо, а не описывать! Но психолог – не участковый. Изучение не есть оправдание.

Науке вообще свойственна некоторая негуманоидность, которая с непривычки часто пугает. Как писал Зощенко, «Историки даже не добавляют от себя никаких восклицаний, вроде там: «Ай-яй!», или «Вот так князь», или «Фу, как некрасиво!», или хотя бы «Глядите, еще одним подлецом больше!». Политологи тоже стараются от восклицаний воздерживаться, хотя существуют многочисленные публичные комментаторы, с переменным успехом торгующие гражданской скорбью или административным восторгом. Остальным приходится выслушивать вопросы «Зачем вы это безобразии изучаете, все диктатуры на одно лицо, и вообще вы что, не видите – кругом фашизм (народное единство, начальный этап строительства национального государства)?!» Политолог в такой ситуации выглядит человеком, задерживающим своим теоретизированием тех, которым надо не то на последний пароход, не то на баррикады, не то срочно повеситься от безнадежности.

Зачем нужно разбираться в 50 оттенках авторитаризма

Как указано в статье Григория Голосова, нынешняя палитра авторитарного своеобразия возникла после очевидного провала теории «демократического транзита». В 90-ых предполагалось, что все посттоталитарные страны идут путем построения демократии, и любые странности, обнаруживаемые ими на этом пути, суть явление временное. Тогда, если кто помнит, вообще ожидался глобальный триумф либерализма, унификация человечества посредством свободной торговли и культуры потребления и Конец Истории (а потом, вероятно, дискотека).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.